

АНТРОПОЛОГИЯ ПАМЯТИ

ВЫШЕЛЕЙСКИЕ ЭПИФАНИИ: КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ ПЕРЕСБОРКА СЛУЧАЙНОЙ ЭТНОГРАФИИ¹

Роман Николаевич Абрамов^{1,2} (rabramov@hse.ru),
Елена Юрьевна Рождественская^{1,2} (erozhdestvenskaya@hse.ru)

¹Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Москва, Россия

²Институт социологии РАН (ФНИСЦ РАН), Москва, Россия

Цитирование: Абрамов Р.Н., Рождественская Е.Ю. (2026) Вышелейские эпифании: концептуальная пересборка случайной этнографии. *Журнал социологии и социальной антропологии*, 29(3): 244–274. <https://doi.org/10.31119/jssa.2026.29.3.9> EDN: FSTRQ0

Аннотация. Статья представляет экспериментальное исследование на стыке социальной антропологии и качественной социологии. Авторы ставят перед собой основную цель — развить и концептуально пересобрать подходы «случайной этнографии» и «этнографии второго порядка», рассматривая краткие биографические тексты как источник по социальной истории женского труда в XX веке и как локальный перформанс памяти. Методология сочетает ретроспективное осмысление непреднамеренного полевого опыта, работу с материалом, собранным другим исследователем, и контролируемое использование нейросетей (ChatGPT) для первичной структуризации просопографического корпуса. Эмпирическая иллюстрация состоит из 18 кратких биографических очерков колхозных крестьянок с. Вышелей Пензенской области, созданных в конце советского периода школьными краеведами и обнаруженных одним из авторов на локальном празднике мордовской культуры. Теоретической основой статьи стали концепция краткого гражданского сторителлинга Ф. Фукса и понятие эпифании — простого и поразительного интуитивного понимания реальности. Анализ показывает, что при формальной лапидарности нарративов (крестьянское происхождение, отсутствие образования, тотальный труд в годы войны, помощь фронту) они формируют устойчивый эмоциональный режим терпения, долга и молчаливого героизма. Сама коллекция выступает нарративным агентом, конструирующим локальную идентичность. Авторы рефлексировали эпистемологические и этические границы привлечения нейросетей в качественных исследованиях, обсуждая потенциал и риски для «живой» полевой работы. Полифония голосов (этнографов, нейросети, школьных авторов и героинь) проблематизирует жанровые и авторские режимы письма в современной социальной антропологии.

Ключевые слова: случайная этнография, эпифании, нейросети, крестьянство, социальная история, краеведение, эго-документы.

¹Статья подготовлена в ходе проведения работы в рамках Программы фундаментальных исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ).

Введение

Эта работа является экспериментальной по своей концепции, структуре, жанру, методике и иллюстративному материалу. Точкой входа в исследование оказался материал, который не был собран специальным образом в ходе планового полевого исследования, но стал объектом аналитического внимания *post factum*, что позволило говорить об использовании подхода случайной этнографии. К тому же сам материал — короткие биографические очерки жизни колхозных крестьянок (18 историй) — собирался много лет назад неизвестными школьными краеведами из села Вышелей Пензенской области, и эти очерки — единственное, что известно об их героинях. Таким образом, эти краткие биографии жительниц Вышелея в контексте перформанса сельского праздника стали триггером для избранной инвентаризации и пересборки этнографических подходов, которые позволили бы сконструировать концептуальную рамку для такого объекта.

Учитывая специфику материала и обстоятельств его включения в аналитический оборот, было решено расширить границы эксперимента. Помимо автора этой находки (Р. Абрамов), ставшего случайным этнографом, к работе с материалом был привлечен этнограф второго порядка (Е. Рождественская)¹, для которой качественная социология, биографический метод и женские истории составляют сферу многолетней профессиональной специализации. Авторы статьи задаются вопросом: является ли различие в опыте вовлечения в материал проблемой для построения общей исследовательской позиции? Или возможно разделение труда при сохранении, а не размывании этих различий?

Научные и прикладные исследования в области социальных наук находятся в центре «идеального шторма», связанного с бурным ростом потенциала и разнообразия доступных нейросетевых моделей (ИИ). Оценка их реальных возможностей для проведения исследований сама по себе является фронтиром активного экспериментаторства, где алармизм исчезновения профессии исследователя соседствует с преувеличенным технооптимизмом, связанным с ожиданием «аналитического чуда» от нейросетей. Распространение нейросетей влечет за собой этические вызовы, касающиеся авторства идей, текстов, публикаций, и академические издательские дома прорабатывают новые политики, регулирующие применение данной технологии. Вновь возникает вопрос о том, где проложить границу между соавторством исследователей и нейросетей.

¹ Подобный метод «этнографии второго порядка» был использован при подготовке статьи (см.: Абрамов 2022).

Мы решили не игнорировать потенциал ИИ, а поэтому один из фрагментов работы основан на экспериментальной работе нейросети с имеющимся массивом данных биографических очерков женщин-колхозниц. Мы отдельно оговариваем границы применения нейросетей для структурирования материала с выявлением перспективных векторов анализа и узловых дискурсивных моментов. Результаты этого эксперимента представлены в статье.

В статье выражено и обосновано отчетливое намерение не смешивать голоса, но выстроить партии многоголосия. Авторы статьи надеются, что этот небольшой эксперимент позволит проблематизировать процесс создания текста в жанрах социальной антропологии, качественной социологии и случайной этнографии, а также проблему сложносоставного авторства и продемонстрировать, как может работать лирическая социология в понимании Э. Эбботта (Abbott 2007).

Этнографический и социально-исторический контекст кейса

В начале августа 2024 года, почти случайно, я, Роман Абрамов, оказался на празднике мордовской культуры «Эряк, веле, эряк» («Живи, село, живи!») в селе Вышелей Городищенского района Пензенской области. Вышелей находится примерно в восьмидесяти километрах от Пензы, однако добраться туда не так легко — к селу ведет только грунтовая дорога после съезда с трассы. Когда-то Вышелей был крупным сельским поселением с населением в 4000 человек в 1930 году и 900 человек накануне распада СССР, но сейчас здесь зарегистрировано не более 300 жителей, и их число продолжает снижаться, хотя в селе действует крупное фермерское хозяйство, где занята часть населения.

Мордовский сельский праздник в Вышелее проводится уже около двадцати лет и является ключевым событием для мордовского населения района и области. По меркам села (и всего района) — это значительное событие, куда съезжается 300–400 гостей, в основном из Городищенского и соседних районов. Программа включает концерт мордовской песни и танца, небольшой маркет с товарами народных промыслов и блюдами мордовской кухни, соревнования сельских борцов и другие активности. Поприветствовать участников прибывают чиновники из района и областного правительства.

Праздник шел своим чередом под открытым небом, чему благоприятствовала солнечная и в меру жаркая погода — музыкальные номера, поздравления и награждения местных лучших работников, короткие речи о мордовской и русской культуре, о локальном и общенациональном патриотизме. На одной из площадок была устроена краеведческая экспо-

зиция — размещено несколько предметов традиционной деревенской утвари и инсталляция, включающая картонные раскладные планшеты (стенды) и советский фотоальбом со страницами из толстого серого картона, куда были вклеены фотографии. Краеведческий уголок не вызывал интереса у жителей Вышелея и гостей праздника, но заинтересовал меня, подробно изучившего альбом и выставленные планшеты.

На планшетах разместились рукописные очерки истории села и Вышелейской школы в советский период — вероятно, планшеты делались усилиями учителей и учеников школы где-то между 1988 и 1991 годами, поскольку на одном из них упоминалась встреча выпускников местной школы начала 1991 года. Подобные раскладные планшеты нередко использовались в школьных музеях, пионерских комнатах и военных частях как типовая и доступная форма наглядной агитации и любительских краеведческих экспозиций. Из практики советской пропаганды форматы альбомов и планшетов (стендов) были заимствованы московскими концептуалистами — И. Кабаковым и В. Пивоваровым, создававшими свои произведения — бытописания воображаемого «маленького человека» периода Застоя (Лазебникова 2009: 170–177; Кабаков 2005a; Кабаков 2005b). Выставленный для ознакомления альбом на мордовском сельском празднике был посвящен женщинам-труженицам Вышелея, и на каждой странице помещалось небольшое любительское черно-белое фото с плохо различимыми чертами лица женщины и короткая биографическая справка о жительнице села. Эти лапидарные очерки (средний объем очерка 70–90 слов и 6–9 предложений) поразили своей трагичностью: все они повествовали о бесконечном тяжелом труде, непростой жизни в колхозе в 1930–1950-е годы, о напряжении сил в период войны. Биографии были написаны от руки тонким фломастером, аккуратным, скорее всего, девичьим почерком, а вместо заголовков — фамилии, имена и отчества жительниц, выведенные по трафарету, какие использовались в 1960–1980-е годы для оформления школьных стенгазет, конспектов, объявлений и т. п. В некоторые биографии синей ручкой и другим почерком добавлены сведения о смерти героини очерка. Вот примеры этих кратких биографических резюме:

«Кашкина А.И. родилась в 1919 году. Она росла в бедной крестьянской семье. Во время войны трудилась она в колхозе. Все работы выполнялись вручную. Рожь косили серпом и косой, молотили цепом. Анастасия Ильинична работала также птичницей. Во время войны вместе со всеми вязала варежки и носки, которые отправляли на фронт. После войны она работала дояркой, за хорошую работу ей подарены часы и похвальный лист».

«Ошкина Пелагея Евгеньевна родилась 13 ноября 1912 года. В годы войны она работала в колхозе: рожь молотила, шерсть пряла. На телегах возила домой дрова. Ошкина Пелагея Евгеньевна вырастила двоих детей».

«Алдаева Устинья Трофимовна родилась в 1928 году в крестьянской семье. Ей было 15 лет, когда умерли родители. Приходилось вставать рано, чтобы убраться дома и идти на колхозные работы. В поле хлеб убирали серпами, потом вязали снопы. Их носилками в одно место носили. А зимой ходили и молотили хлеб с помощью молотилки. Летом мололи просо. Копали колхозные огороды, сажали капусту, помидоры, огурцы. Машин, лошадей не было, поэтому с Нижнего Шкафта таскали семена овса на себе. Вечером вязали варежки и носки для фронта. Нужна была картошка, и ее сушили и посылали на фронт. Сейчас Устинья Трофимовна на заслуженном отдыхе».

Я листал этот альбом, и советский, российский XX век разворачивался перед моими глазами без праздничных декораций, громких достижений, победных фанфар: в нем не было гигантов социалистической индустрии, героики папанинской одиссеи, рекордных чкаловских перелетов, не было дворцовой роскоши московского метрополитена, «Коктейль-холла» на улице Горького, имперских сталинских высоток, Братской ГЭС, первого спутника и полета Гагарина в космос, БАМа и Атоммаша. В нем был изнурительный беспросветный тяжелый физический труд, отсутствие или дефицит электричества, полуголодное существование, материальная скудость и вечная борьба с жизненными невзгодами. Невольно эти краткие биографические очерки, написанные школьниками для краеведческого уголка, отражали чудовищный разрыв между действительно эпохальными достижениями СССР и архаичными условиями жизни колхозного крестьянства, прежде всего женщин, которые находились на периферии этой системы, зарабатывали трудодни, в том числе в тяжкие военные годы, и одновременно занимались домашним хозяйством. Они получали грамоты за свой труд, их награждали штапельными отрезами на платье, но все их бытие, подобно жизни средневекового французского крестьянина (Дюби 1994), ограничивалось Вышелеем и окружающими поселениями, чей вид долго оставался тем, что был в XIX веке.

«Ермошкина Матрена Ивановна родилась 22 ноября 1920 года. С 8 лет начала работать. До войны работала: полола, ходила на заготовку дров. Во время войны работала в колхозе: косила, кормила овец на ферме, работала пастухом. Возили на завод дрова

на быках. Она награждена грамотами и медалями. Сейчас Матрена Ивановна на заслуженном отдыхе».

Осмысление жизненного мира и биографических перипетий крестьянок на протяжении сложного XX века поначалу происходило в литературном контексте в традициях «деревенской прозы», одним из основателей которой был А. Солженицын с его «Матрениным двором». Затем появились «Деревянные кони» Ф. Абрамова с историей бабушки Милентьевны («у нее была тяжелая жизнь, как, впрочем, у всех деревенских женщин, юность которых пала на военную страду») (Абрамов 1970) и, конечно, «Прощание с Матерой» В. Распутина (Распутин 1976). Писатели-деревенщики были антимодернистами (Разувалова 2015) и, говоря о тяжелой судьбе крестьянок в советское время, наивно полагали, что сама по себе социалистическая модернизация принесла им дополнительные страдания, а ушедший в прошлое «традиционный уклад» русской деревни был бы лучшим уделом для селянок, что сомнительно, зная о ситуации в русском селе накануне революции. Эскапистская ностальгическая ухрония (Шацкий 1990) в духе Генри Торо, которой увлекались «писатели-деревенщики», имела мало общего с реалиями жизни в пореформенной русской деревне, в которой у женщины было так же мало выбора для достойной жизни, как и в колхозе 1930–1950-х годов, где оставался путь партийного активизма и ударного труда. Конечно, не только писатели, но и исследователи российского крестьянства — Т. Шанин (Shanin 1972) и А.М. Никулин — показали жизнь советского села в период его советизации и постсоветских трансформаций (Никулин 2010).

Отчасти так выглядела и жизнь моих родных — деревенских бабушек и прабабушек, чьи семьи покинули свои села в период коллективизации и голода на рубеже 1920–1930-х годов, и эти аллюзии еще сильнее привлекали мое внимание к альбому. Очевидно, личная вовлеченность здесь сыграла свою роль в выборе пристального взгляда. Я почти автоматически и бегло фотографировал содержание альбома и окружающую обстановку, не предполагая в тот момент делать из этой находки объект исследования, и только потом, много позже, пересматривая снимки на смартфоне, подумал, что эти истории жизни должны не только остаться на полузабытых антресолях сельской школы: их эмоциональный импульс и смыслы посланий могут оказать воздействие на кого-то еще. Для меня пронзительность историй жизни вышелейских женщин связана с их концентрацией в одном альбоме, что создает почти монотонный ритм повествования о судьбах колхозниц. Кроме того, сходство биографических траекторий и сухой, почти канцелярский язык усилили эмоциональное воздействие — подобно социальной рекламе, облеченной в форму официального бюро-

кратического бланка, которую описывает У. Эко в работе «Отсутствующая структура» (Эко 1998).

Альбом женских биографий был частью школьно-краеведческой инсталляции, развернутой под открытым небом. Помимо альбома, я сделал фотоснимки планшетов с историей колхоза, базировавшегося в Вышелее, и местной средней школы. История колхоза «Гигант» начинается с рубежа 1929–1930 годов — начала «массовой коллективизации», которая отмечена кадровой чехардой — в период до 1937 года (sic!) сменилось четыре руководителя хозяйства, и все они были мужчинами. В очерке колхозной истории отсутствует упоминание женщин — есть руководители, первые комсомольцы, первые трактористы (первый трактор «Фордзон» появился в колхозе в 1929 году) и водитель первого грузового автомобиля «ГАЗ-37-28» (примечание — такой модели автомобиля в то время не существовало, и, скорее всего, колхоз получил ГАЗ-АА — «полуторку»), полученного колхозом осенью 1935 года. Учитывая техническую отсталость российской деревни предреволюционного и постреволюционного времени, упоминание о мужчинах, имевших дело со сложной автотехникой, подчеркивает их относительно высокий статус в Вышелее того периода. Гендеризованная история в ее официальном изводе выносит на авансцену мужчин-героев, но, по контрасту, школьно-краеведческая инициатива много времени спустя выносит из небытия женские фигуры. В историческом очерке о колхозе «Гигант» техника становится не менее важным актором, чем люди, ее освоившие. Стоит вспомнить тезис исследователей советского периода о том, что механизация и машинизация сельского хозяйства (Kotkin 1995) в период и после начала коллективизации стали частью мобилизационной идеологии и своего рода фетишем радикального модернистского проекта «околхозивания» крестьянства, ставшего новой формой крепостничества (см. Никулин 1999; Scott 1998).

История вышелейской школы разбита на периоды («20-30-е годы», «40-50-е годы», «60-70-е годы», «80-е годы»). До революции в Вышелее работала четырехклассная церковно-приходская школа, для которой в 1914 году было построено новое здание и до 1937 года сохранялось четырехклассное образование с преподаванием на мордовском языке. В 1937 году открылась семилетняя школа («семилетка») с «увеличением контингента учителей» и переходом на преподавание на русском языке. В части очерка, посвященной военному и послевоенному времени, перечислены ФИО учителей без детализации их вклада в деятельность школы. По итогам оттепельной модернизации школа стала восьмилетней в 1967 году и уже спустя два года — средней школой с десятилетним образованием. В очерке констатируется расширение педагогического кол-

лектива, а с начала 1980-х годов отмечается смена поколений — пожилые учителя выходили на пенсию и покидали школу. В очерке можно найти много упоминаний о женщинах-учителях, и на короткий период середины шестидесятых годов директором школы стала А.С. Гладкова, остальные же директора (нашлось упоминание о семи руководителях вышелейской школы) — мужчины.

Очерки истории школы и колхоза «Гигант» чуть более насыщены, чем истории жизни женщин, хотя довольно скупы и ограничены сухой констатацией ключевых вех развития инфраструктуры (здания, машинно-тракторный парк) и датами смены административно-управленческих работников. Колхоз «Гигант» — главная институциональная ячейка государства на этой территории; в ее технических и бюрократических процессах видимыми оказываются прежде всего мужчины, тогда как женщины остаются на периферии. Идея Н. Ссориной-Чайкова о социальной жизни государства, воплощенной в практиках повседневности местного населения, оказывается дискуссионной, поскольку между планшетами с маскулинизированной и технотизированной историей колхоза и очерками жизни крестьянок заметен очевидный разрыв, так как в быте и судьбах колхозниц государство (как и война) выступает внешним Другим, чаще привносящим дополнительные тяготы, чтобы лишь изредка почти символически вознаградить их дарами в виде почетных грамот и наградных часов (Ssorin-Chaikov 2003). Несколько иная ситуация со школой — феминизация учительства, начавшаяся с земских и сельских школ в XIX веке, в полной мере раскрылась в советский период, когда школьными учителями все чаще становились женщины.

Как стало возможно, что даже в таком телеграфном стиле истории колхозных крестьянок были собраны, сохранены и помещены в отдельный альбом наравне с очерками о мужчинах-ветеранах и погибших во время ВОВ, историями становления колхоза и развития местной школы — основных организационных единиц, включавших эту местность в полотно государственной ткани? В 1960–1980-е годы, при кураторской поддержке партийных органов, началось активное движение малого краеведения, решавшее задачи патриотического воспитания подрастающего поколения и сбора исторического материала о советском периоде, включая его основные вехи — революцию и Гражданскую войну, коллективизацию и индустриализацию, ВОВ, послевоенное восстановление и т. п. (Шмидт 2004). Школы, пионерские, комсомольские организации, ПТУ и техникумы, вузы были вовлечены в эту деятельность (Желтоухова 2022): «концепция краеведения была в редуцированном виде апроприирована советской системой культурного воспроизводства и оказалась встроена

в образовательную и музейную практики» (Степанов, Максимова, Хлевнюк 2021). В Пензенской области краеведческую тематику курировал второй секретарь Пензенского обкома КПСС Г.В. Мясников, который увлекался локальной историей и был близок к «почвенникам» в среде советской номенклатуры (Мясников 2008; Желтоухова 2024). В своей книге, обобщавшей многолетний опыт пропаганды и наглядной агитации, Г. Мясников рассказал о важности технологии «школьного краеведения», активно продвигаемой в области: «не случайно на первое место поставлено развитие школьного краеведения. Для юных Родина, ее история должны начинаться у порога своего дома, встречей с замечательными людьми своего города, села, улицы. И музей, уголок трудовой и боевой славы может очень образно, ярко рассказать вступающему в жизнь юному гражданину об истории родного края» (Мясников 1986: 81). Для этого была разработана методика, внедренная в школьное образование: «родилась новая идея — создавать летопись села как основу, на которой может и должна строиться методика изучения прошлого. При институте усовершенствования учителей был создан областной комитет по краеведению» (Мясников 1986: 82). Таким образом, заинтересовавшие меня материалы краеведческого уголка, очевидно, были результатом этой работы по сохранению локальной истории.

Формы случайной этнографии: пересборка подходов

На факультетах социологии и антропологии учат последовательному и системному подходу к организации и проведению своего исследования как цепочки взаимосвязанных действий — от замысла к публикациям. Сюда входит программа исследования с постановкой целей и задач, разработка методологии и техники сбора эмпирических данных, выбор способов их обработки, анализа и представления в академическом и научно-популярном контекстах. Конечно, при проведении включенного наблюдения и интервью в этнографическом и антропологическом исследовании предусматривается гибкий и открытый подход к полевой работе, однако все же обычно исследователь едет в экспедицию, выходит на городскую улицу или приходит на завод с исходной интенцией что-то или кого-то изучить, описать, проанализировать. У нас иной случай.

Я приехал в Вышелей «за компанию», сопровождая своих друзей-пензенцев, которые были официально приглашены на праздник. Я не ставил перед собой исследовательских задач, рассматривая поездку как рекреационную, не занимался включенным наблюдением и этнографией, был зрителем, «зевакой», которому интересно это событие, не более. Безусловно, в той или иной степени я оставался социологом и обладал настроен-

ным профессиональным зрением (Сорокин 1921; Goodwin 1994), но не вел полевых заметок, не брал интервью, хотя активно пользовался камерой смартфона, на всякий случай снимая и праздник, и село, но съемка не выходила за пределы обычной туристической активности, за исключением альбома с женскими биографиями. Намного позже, разбирая отпускные фотографии, я отдельно сохранил подборку из Вышелея, а когда Н. Скорин-Чайков объявил анонс первой конференции «Майский сбор» в 2025 году, то я понял, что этот взволновавший меня материал может быть объектом ретроспективного анализа и являет собой феномен случайной (Poulos 2009; Levitan, Carr-Chellman, Carr-Chellman 2020), неловкой (Sløk-Andersen, Persson 2021; Wästerfors 2023), забывчивой (Elliott 2025) этнографии.

Ключевой работой по теме случайной этнографии является книга К. Паулоса (Poulos 2009), в которой он раскрывает возможности этого методологического подхода на основе собственного опыта автоэтнографии и работы с теневыми сторонами прошлого своей семьи. Это исследование началось спонтанно, непреднамеренно и выросло не из предварительной программы, а стало следствием жизненного события, семейных обстоятельств. Поскольку для К. Паулоса эти обстоятельства были связаны с семейными «скелетами в шкафу», то в центре его рассмотрения оказалась рефлексия относительно собственной экспертной и этической позиции, а также проблематизация форм амнезии, умолчаний, «белых пятен», пауз и разрывов в нарративах о прошлом. Автор обращает внимание на то, что материальный артефакт — вещь, фотография, эфемер в понимании Х. Любартович¹, может стать катализатором случайной этнографии, как это произошло в моем случае, когда краеведческий альбом с биографиями колхозниц Вышелея запустил этнографическую рефлексию. Для К. Паулоса случайная этнография предполагает «готовность отдаться творческим, воображаемым, спонтанным, случайным знакам и импульсам», «принять силу воображения» и «блуждающий след случайности» (Poulos 2009: 47), а сам случайный этнограф, «блуждая по миру, учится замечать знаки, следы, воспоминания, сны и размышления», чувствуя зов сердца и стремясь объединить прошлое, настоящее и будущее посредством своего исследования (Poulos 2009: 47). Случайная этнография в интерпретации К. Паулоса требует некоторой смелости и от самого исследователя, так

¹ Р. Абрамов узнал о вкладе Х. Любартович в развитие работы с эфемерными материальными артефактами из лекции и мастер-класса «Эфемеры на окраине архива» на летней школе «Архивный импульс» (г. Дубна, ОИЯИ, НИУ ВШЭ, июль 2025 года). См. <https://www.jinr.ru/posts/arhiv-xx-veka-likbez/>

как находится в непосредственной близости к автоэтнографии, связанной с раскрытием болезненных сторон семейной истории и личной биографии, и, добавим, граничит с другим исследовательским полем — клинической социологией с ее задачей поиска и рефлексии своего места в семейной истории и перевода латентных смыслов в манифестирующие. Эта близость к автоэтнографическому опыту подобна эпифаническому¹ переживанию, интуитивному пониманию реальности, одновременно простому и поразительному, с одной стороны, и абдукции, с другой. Оба понятия описывают специфический способ получения нового знания, но по-разному — через озарение (вспышку ясности) и через внезапный интеллектуальный скачок. Столь глубокое эмоциональное переживание прочтения альбома с краткими историями жизни колхозниц было вызвано резонансом с биографиями моих предков, в частности, родной бабушки, которая всю жизнь была колхозной крестьянкой, и ее биографическая траектория схожа с описаниями женских судеб из вышелейского альбома. Тут можно сказать словами Н. Козловой, что «теоретическое усилие и работа памяти начинают стимулировать друг друга, рождая возможность нового взгляда. Теоретическая работа превращается в род автобиографии. “Чужие” истории встраиваются в твою собственную» (Козлова 2005: 19).

В более поздней версии случайной этнографии предусматривается «систематическое внимание к непредвиденным моментам, возникающим за пределами интервью, опросов или других структурированных методов» (Fujii 2015). Другое дело, что в ситуации, когда исследователь «не на работе», это систематическое внимание проявляется неосознанно как интерпретированное практическое профессиональное знание, фроне́зис (Абрамов 2015), что делает возможным ретроспективно обратиться к своим впечатлениям как к источнику материала для анализа. Метод случайной этнографии применяется в различных ситуациях — от разговора с попутчиком в самолете, который привел исследователя в уникальное поле, до сбоев и гарфинкелевских поломок в беседах, когда речь касается травматичных, замалчиваемых событий или аспектов жизни общества (Fujii 2015). Случайную этнографию как методическую ориентацию в процессе исследования использовали при изучении самодельных музеев на Бали (Suryawan, Khoo 2025), жизни Кении в автопутешествиях по стране с местными жителями (Lynch 2025), доступа к образованию девочек из отдаленных районов Перу (Levitan, Carr-Chellman, Carr-Chellman 2020) и т.д.

¹ Эпифания — проявление божества, откровение, а также христианский праздник Богоявления, в литературе — внезапное, озаряющее понимание сути вещей.

Близкой к случайной этнографии является неловкая этнография (*awkward ethnography*) (Sløk-Andersen, Persson 2021) — ситуации, когда исследователь непреднамеренно попадает в некомфортные, неловкие ситуации в ходе полевой работы, которые могут вызывать смущение и даже стыд у участников взаимодействия, хотя этот исповедальный жанр в этнографии иногда является формой романтизации профессиональных промахов (Wästerfors 2023). Обычно эти моменты не становятся частью готового исследования, публикации, оставаясь на исследовательской кухне, однако они могут стать продуктивными с точки зрения получения дополнительного знания об объекте изучения (Sløk-Andersen, Persson 2021). Неловкая этнография требует быть готовым к непредвиденному ходу событий — возникающая неловкость и дискомфорт являются частью профессиональной практики (Wästerfors 2023). Неловкость в этнографическом поле часто возникает в контексте ситуации обмена, ожидания взаимности от исследователя со стороны участников или гейткиперов (Koning, Ooi 2013), которые считают нужным «отблагодарить» чем-то значимым этнографа за интерес к ним и их сообществу, либо полагают, что этнограф станет своего рода «даром» для сообщества — например, купит сувениры у местных торговцев или воспользуется другими услугами. В случае с альбомом Вышелея такого не было, однако сама ситуация посещения порожидала некоторую неловкость относительно роли и статуса. Праздник открыт для всех и анонсируется в региональных медиа, но из-за удаленности от автострад и «домашнего» формата, ориентированного на свое сообщество, внешние гости воспринимаются с некоторой осторожностью, особенно если они были привезены областным официальным лицом (как это было в моем случае), приехавшим засвидетельствовать уважение к событию и сообществу. Иными словами, местные не находили для меня какой-то определенной устоявшейся ячейки в привычной классификации гостей и визитеров: «обычные туристы» туда не заглядывают, а знакомство с областным официальным лицом отбрасывает тень статуса и на меня. В общении это никак не выражалось, поскольку все участники и гости праздника в первую очередь были рады событию и возможности пообщаться друг с другом, обменяться местными новостями.

Я вернулся к кейсу Вышелея по прошествии времени — где-то через полгода после поездки. У меня не было оперативных полевых заметок, кроме подборки фотографий и пары коротких видеозаписок с выступлениями народных коллективов. Поэтому я полагался на собственную память и несколько потускневшие впечатления от посещения села. Д. Эллиот проблематизирует подобную ситуацию как «забывчивую этнографию» и «психотическую антропологию», когда исследователь в значи-

тельной степени полагается на собственную память и объективно неполные полевые записи, которые служат «протезами памяти» (Elliott 2025). Д. Эллиот предлагает эксплицировать пробелы в воспоминаниях как неотъемлемый элемент аналитической работы, принять во внимание конфабуляции, сопровождающие этнографическую ретроспекцию, согласиться с незавершенностью любого этнографического проекта и признать его эпистемологическую уязвимость, связанную с природой такого рода исследований (Elliott 2025). В случае Вышелея все это присутствует и к тому же дополнено тем, что один из авторов данной статьи не являлся свидетелем праздника, воспринимая его опосредованно — через оптику воспоминаний и документальные свидетельства, собранные другим.

В России случайная этнография как способ осмысления пережитого распространена слабо. Конечно, в этнографических исследованиях и работах, издаваемых при поддержке Фонда «Хамовники», присутствуют элементы непредвиденной этнографии и антропологии, однако в основном все эти тексты основаны на результатах продуманной программы участвующего наблюдения и интервьюирования. В 2007–2010 годах И.А. Климов на базе ФОМа разрабатывал концепцию «микроэкспедиций» с быстрым входом в поле и оперативным выходом из него, когда нужно было собрать первичную информацию. «Встреча с полем» всегда несла в себе элемент неожиданности и открытия новых направлений интерпретации. Такие микроэкспедиции предпринимались в Сочи в 2008 году, в Иркутске и других местах (Климов 2008). К сожалению, в основном их материалы, как и их концептуализация, остались во внутренних архивах участников, и автор знаком с ними на основе личной коммуникации. Тем не менее медиапроект ФОМа «Заповедник» во многом опирался на эту методическую идеологию. Близким по духу и организации стал многолетний проект студенческих экспедиций НИУ ВШЭ «Открываем Россию заново», в котором есть место для случайной, спонтанной, непредсказуемой этнографии, синхронизированной с институциональными ограничениями учебного процесса и отчетности, и просто для этнографического удивления при соответствующей организации поездки.

Материальный след женских историй: эго-тексты как композиция

Прежде чем приступить к анализу этнографического материала, я, вторая автор статьи Елена Рождественская, не имевшая опыта первичного этнографического озарения, приняла решение об эксперименте с привлечением ИИ для первичной структуриации кратких биографий. Такое решение было вызвано не столько трудностями тематического анализа

этой небольшой коллекции, сколько увлеченностью новой эрой внедрения ИИ. Но дискурс использования генеративных моделей в социальных науках, этнографии и качественном анализе, в частности, требует позиционирования.

Намереваясь использовать ИИ для узкой задачи структуризации, мы тем не менее вступаем в гораздо более широкий контекст нарастающего и слабо упорядоченного вовлечения ИИ в исследовательскую практику, но уже предъявляющего разнообразные позиции в этом поле. Поэтому, прежде чем описать результаты работы привлеченного третьего, «нечеловеческого», участника, я представляю это актуальное поляризованное поле позиций. Обзорные исследования (Paulus et al. 2026; Avnoon, Oliver 2023) показывают, что дискуссия о внедрении ИИ напоминает риторический танец — исследователи признают неизбежность внедрения, которое нарушит, если не полностью преобразует, ландшафт социальных наук и поле научных публикаций. Преодолевая эту фаталистичность, Д. Хитч (Hitch 2024) признает, что «вопрос не в том, следует ли ИИ внедрять, а в том, как лучше его внедрить. Революция уже здесь, и она имеет потенциал значительно улучшить и преобразовать работу качественных исследователей из разных традиций и подходов» (Hitch 2024), а ИИ позиционируется как соисследователь и соавтор (Mollick 2024). Исследователи в области качественной социологии также размышляют, как ИИ повлияет на их работу (Christou 2023). Им есть о чем беспокоиться: качественные подходы сосредоточены на понимании того, как люди осмысляют контекст и ориентируются в социальных мирах (Paulus, Lester 2024). Методологические подходы исторически сложились как ориентированные на субъектов и исполняемые субъектами, вовлеченными в сбор, анализ и интерпретацию данных. ИИ привносит в эту схему упрощение и контроль за структуриацией: на уровне обобщения, категоризации и выявления общих закономерностей в данном наборе данных (Freeman 2016). Но М. Ван Манен (Van Manen 2023), один из немногих, кто выступает против внедрения ИИ, пишет, что ChatGPT «не может по-настоящему тематически, не говоря уже о теоретизировании, выстроить осмысленность. Вместо этого [он] предлагает иллюзию осмысленного чтения» (Van Manen 2023). То есть понимания человеческого опыта ChatGPT предложить не может. Но способен ли ИИ помочь упростить трудоемкий процесс качественного исследования?

Так, например, экспериментируя с ИИ, С. де Паоли (De Paoli 2024) провел шесть фаз тематического анализа корпуса статей с помощью ChatGPT и пришел к выводу, что модель может вывести большинство основных тем из предыдущих исследований, она жизнеспособна и обеспечивает адекватный уровень валидности. С. де Паоли при этом заклю-

чает: «Нельзя отрицать, что модель может выводить коды и темы и даже выявлять закономерности, которые исследователи не сочли релевантными, и способствовать улучшению качественного анализа» (De Paoli 2024: 1014). Вопрос лишь в том, как это интерпретировать — это преимущество модели или ограничение исследователя?

Более того, важный аргумент в пользу ИИ как инструмента, облегчающего кропотливый труд социолога-качественника, также оспаривается (Paulus et al. 2026): трудоемкость аналитического процесса реабилитируется и возводится в этическую норму. С. Трейси пишет, что не трудоемкость качественного исследования на самом деле является проблемой, скорее, трудоемкость качественного анализа данных является частью того, что необходимо для получения глубокого и детального понимания феномена человеческого опыта (Tracy 2010). Длительное и процедурно корректное взаимодействие с данными — это один из способов, с помощью которого исследователи обеспечивают достоверность и подлинность своих интерпретаций.

Какую же фигуру мы отыграем в этом риторическом танце? Разделяя фатализм неизбежного внедрения ИИ в исследовательскую практику качественных исследований, отметим необходимость прежде всего открытого декларирования его использования. Далее, мы определенно отклоним делегирование интерпретационной компетенции технологиям ИИ, но воспользуемся возможностью структурирования первичного эмпирического материала, задавая ChatGPT промпт с просьбой описать и выделить основные темы и сопоставить их с точки зрения общего и различного. Такова общая позиция авторов этой статьи.

Итак, перед нами компактный текстуальный объект из 18 отдельных фрагментов, каждый из которых посвящен одной из жительниц Вышелея. Приведем типичный пример ниже:

«Майорова Ольга Ивановна¹ родилась 9 августа 1908 года. Она работала в колхозе «Гигант». Косила и молотила пшеницу, в то время не было комбайнов и всю работу выполняли вручную. Еще трудилась на ферме, кормила свиней. Когда придет домой, уже вечер, а еще надо связать носки и варежки для солдат. Сейчас она на пенсии. За трудовые успехи награждена медалями и почетной грамотой».

И без привлечения ИИ можно сказать, что текст лапидарен и описателен. Доминирующий лейтмотив труда вытесняет все потенциально

¹ Имена не анонимизировались, будучи предъявленными публично.

возможные темы — частную жизнь, окружающих персонажей, контекст сельского труда, его виды и техническую оснащенность. Даже время вне основной работы отдано другому труду; фоновым событием при этом остается война. Совокупный труд получает признание, демонстрируя, в чем авторы очерков видят ценность жизни.

Тем не менее метрики по отношению к коллекции рассматриваемых текстов таковы: лексическая плотность равна 0,434. Это означает, что около 43,4 % всех слов текста составляют самостоятельные части речи (существительные, глаголы, прилагательные, наречия), а оставшаяся часть — служебные слова (предлоги, союзы, частицы), что указывает на средний уровень насыщенности текста содержательными словами. Индекс удобочитаемости как мера сложности восприятия текста читателем равен 11,074; такой текст будет понятен взрослому человеку с полным средним образованием¹. Среднее количество слов в предложении — 8,1. Самые часто встречающиеся слова в корпусе: году (21); работала (20); родилась (16); войны (13); сейчас (10).

Для структурирования корпуса текстов мы обратились к ChatGPT². Полученный результат дает следующую описательную картину:

Общее во всех историях касается социального статуса и уровня образования, режима труда во время ВОВ, помощи фронту (и это еще одна форма труда), наконец, признания этого труда:

Социальное происхождение и образование: все женщины происходили из крестьянских, чаще бедных семей. Образование: максимум — 4 класса. Некоторые не учились вовсе (например, А.Ф. Комбарова). Раннее включение в труд объясняется бедностью, ранней смертью родителей и условиями военного времени.

Труд в годы войны: все героини работали в годы ВОВ. Употребленные характеристики труда: физически тяжелый, мужская работа, ручной труд (отсутствие техники). Типичные виды работ: колхозные полевые работы (косили, молотили, убирали урожай), работа на фермах (дойarki, пастухи,

¹ Анализ коллекции историй был проведен с помощью Автоматического индекса удобочитаемости (Automated Readability Index — ARI).

² Загружался полный корпус историй общим файлом. Промпт: «Проструктурируй и выдай общее и различное в этих историях, используй информацию только из файла» (https://chatgpt.com/s/t_6ac29bff33988191b03ee9cefb3c2646). Обращение к ИИ в данном случае — методический эксперимент с четко ограниченной задачей структуризации, то есть определением того, как элементы корпуса текстов упорядочены в общей структуре. Авторы не вменяли ИИ задачу анализа, подразумевая под ней исследование этой структуры, ее элементов и взаимосвязей между ними.

птичницы), трактористки, конюхи, работа на заводе, рытье окопов, строительство оборонительных линий. Рабочий день: до 12 часов, иногда за 100 грамм хлеба.

Помощь фронту: почти все вязали носки и варежки для солдат после основной работы, участвовали в общем сборе средств (деньги с населения). Здесь подчеркивается: чувство долга, самоотверженность, отсутствие отдыха.

Признание труда: многие награждены медалями «За доблестный труд», почетными грамотами, похвальными листами, памятными подарками (часы). Даже при отсутствии формального образования труд оценивался государством.

Основные различия между историями касаются характера непосредственного труда, специфики труда во время войны (ИИ не смог четко провести это различие, подведя различные виды труда под военный опыт), семейной судьбы, продолжительности жизни и послевоенного периода. Основные виды труда героинь — сельскохозяйственные и полевые работы в тылу, работа на винзаводе и газогенераторе, а также труд птичниц, трактористок и конюхов; некоторые женщины рыли окопы в системе обороны. Опыт работы в непосредственной близости от фронта упомянут лишь у одной героини, участвовавшей в рытье окопов. Семейная судьба тематизирована (но не у всех) наличием детей и достижением пенсионного возраста, а продолжительность жизни упомянута в связи с ранней смертью после родов либо сообщением о смерти в послевоенные годы, как у нескольких героинь. Послевоенная жизнь отмечена у части женщин тем, что они продолжили работать в сельском хозяйстве, либо были переселены, либо дожили до старости. Другие отличия связаны с тем, что они не дожили до пожилого возраста либо сведения о смерти добавлены позже другими людьми.

Таким образом, выделяются три главных содержательных компонента: историческое время (война), биографическое время (рождение — смерть) и труд. В историях выделяется типичный, но героический образ женщины военного тыла: минимум образования, максимум физического труда, совмещение работы, быта и помощи фронту, высокая ответственность и выносливость.

Общий эмоциональный режим всех историй — сдержанный, трудовой, без жалоб, с доминированием терпения, внутренней стойкости, чувства долга, молчаливого героизма. Тексты написаны спокойным, почти документальным языком, эмоции выражены не напрямую, а через описание условий жизни и труда. Основные эмоциональные состояния и их проявления: тяжесть и изнуренность, эмоция физической и мораль-

ной усталости, но без драматизации; терпение и смирение перед необходимостью, эмоциональный фон — принятие неизбежности; женский труд наравне с мужским, эмоция внутренней силы и скрытой гордости; забота и тихая самоотдача, эмоциональный режим — забота без слов, выраженная действием; скромная гордость и признание, эмоция сдержанного достоинства, выраженная через награды, а не чувства; потери и молчаливый трагизм, эмоция утраты передана максимально нейтрально, почти без слов. Эмоциональный режим женских историй характеризуется отсутствием жалоб, минимумом личных чувств и максимумом действия. Эмоции не проговариваются, а проживаются через труд, необходимость и молчание.

Краткие эго-тексты в контексте гражданского сторителлинга

Если соавтор статьи погрузил читателя в первичную рамку этнографии, то я предложила бы в режиме пересборки концептуальных подходов посмотреть на полученный и структурированный материал сквозь призму текстуальности. Поэтому здесь предложено рассуждение, позволяющее выстроить дополнительную позицию по отношению уже к анализируемой коллекции кратких биографических историй или микронарративов. Перформанс краеведческого праздника с необходимостью вместил краткие, контекстно уместные формы биографизации жительниц Вышелея. И этот краткий формат кажется нам здесь ключевым в контексте уплотнения смыслов и рассказывания историй. Но для этого необходимо прояснить культурный оборот краткого текста.

Какие аргументы мы здесь собираемся привлечь? В самом широком плане это ресурсы краткого гражданского сторителлинга (Fuchs 2023), невозможность в определенных контекстах использовать длинную развернутую историю, вследствие чего сами тексты становятся нарративными агентами, участниками общего смыслопроизводства, а с учетом этнографического действия — еще и перформативными жестами.

Продвигающий идеи краткого сторителлинга Ф. Фукс оценивает их социальный эффект: «Краткие формы [например, басни] вовлекают нас в свое силовое поле, требуя от нас реагировать на то, что они сигнализируют, и затем решать реальные проблемы от их имени» (Fuchs 2023). Но что такое эти краткие тексты? Это формы гражданской практики/дискурса и активности с социальными функциями: лаконичные вербально-текстуальные формы позволяют артикулировать проблемы общества и возможные способы их решения, напоминая нам о нашей способности к действию. Они адаптируют к реальному миру, к «здесь и сейчас» современников и влияют на него своими моральными итогами, условной осуждаемой

Стрекозой, пропевшей все лето, вместо того чтобы готовиться к суровой зиме. Краткие формы сторителлинга выступают своего рода микронарративными семантическими агентами, предлагая зафиксированный смысл как единственно правильный формальный ответ на несформированную или фрагментированную реальность, с которой возникает потребность идентифицироваться. Сжатые повествования избирательно включают говорящие детали индивидуальной жизни — «детальность повседневности» (например, варежки в наших женских историях). Эти детали усиливают жизнеутверждающий потенциал повествований и служат образными якорями, удерживающими историю в памяти. Краткая история становится увлекательной, цепляющей только тогда, когда мы, рассказчики, читатели, посетители краеведческого сельского праздника взаимодействуем с текстом, переводя его в разряд увиденного, прочитанного, выслушанного, что делает заключенный в нем мир неизбежно присутствующим.

Можно ли эти тексты представить себе как обладающие «субъектностью» и в какой момент она активизируется? Если обратиться к понятию аффорданса, материальная форма соединенных текстов женских историй предстает как склейка в виде гармошки, растянутая на экспозиционном столе. Не разделяющая весь массив на отдельные истории, но заставляющая помыслить их все совокупно, растягиваемая и складываемая, понуждающая представить способ обращения с ними всеми вместе и одновременно фреймирующая в виде гранд-нарратива общую историю жительниц Вышелея, эта гармошка историй — по сути новый объект с накопленной субъектностью и аккумулярованным значением коллективного опыта.

Новый объект подтягивает и новую форму его восприятия, которая отсылает к обозначению нередуцируемого реляционного характера. Вероятно, здесь следует привлечь идеи гештальтизма, первоначальный и основной тезис которого в работах М. Вертхаймера, Р. Арнхейма и других заключался в том, что восприятие стартует с опоры на артикулированные целые, сложные, но первичные ансамбли, для которых они использовали термин «гештальт» или «форма».

Риторические формы или темы ориентируют публику на развертывание общезначимого обсуждения и поиска аргументов. Так, в кратком гражданском сторителлинге ключевой узнаваемой фигурой является Аристотель с его «Топикой» (Аристотель 1978) — учением об общих местах и правилах построения силлогизма. В аристотелевской традиции темы также называются общеизвестными местами (словами, фразами, идеями, мемами). В греческой и римской риторике, следуя Аристотелю, одним из способов подготовки аргумента было представление его различных тем как мест, которые следует посетить по очереди. От *topos*, места, проис-

ходит *topoi*, что также означает общие места, — точки или пересечения хорошего аргумента, превращающиеся в клише, набор риторических ориентиров, по которым любой оратор может нас убедить. Но какие выводы мы сделаем из упоминания общеизвестного? Какую оценку подтянет условно тяжелый труд женщин в отсутствие мужчин? Если у Аристотеля подразумевалась узкая дискуссия между философами, если не монолог на взыскательную публику, то перспектива гражданского сторителлинга опирается на работу Х. Арендт «*Vita activa, или О деятельной жизни*» (Арендт 2000), в которой она утверждает необходимость вновь стать человеком, достижение, возможное «посредством формы нарратива или рассказывания историй, которую она называет «разыгранной историей»». «Разыгранная история» — это слияние «знания, убеждения, вымысла и телесного “здесь и сейчас” говорящего» (Арендт 2000: 215). Фотоальбом с биографиями жительниц Вышелея — это предъявленная история, дизайн которой отвечает ожиданиям лапидарности, понятности, уместности, степени мастерства исполнителей местной школы, а также запросам на краевую айдентику поддержавших фестиваль спонсоров.

Но литературный процесс, согласно Ф. Фуксу, шире: начиная с XVII века, классическая техника *ars topica* (тематическая аргументация), которая структурировала краткие аргументы для решения повседневных и интеллектуальных проблем, перестала использоваться писателями и мыслителями. На смену ей пришли риторические приемы более узнаваемых литературных форм, а краткие повествовательные формы стали симптомом роли литературы в жизни и обществе на рубеже XIX века: рассказывание историй возникло как современная форма гражданской активности. Прослеживая генеалогию кратких форм через богатые примеры (анализ сказок у В. Бенямина и В. Проппа, фабулические эксперименты Ф. Хельдерлина и Г. фон Клейста, переосмысление басни немецкими романтиками, новеллы Т. Шторма, пословицы Г. Флобера и эпифании Дж. Джойса), Фукс утверждает, что краткие повествования постоянно стремятся преодолеть кажущиеся различия между высокой и низкой культурой. По его словам, таким образом они возрождают классическую социальную функцию *ars topica* (литературного искусства). Если, как считала Х. Арендт, рассказывание историй было необходимо для «активной жизни», то эти краткие формы позволяют артикулировать проблемы гражданского общества и способы их решения, напоминая нам о нашей способности к действию.

Но все же почему краткий формат? В главе книги Ф. Фукса «Восприятие: сказка как тематический архив» прослеживаются научные исследования В. Бенямина в области сказок, который «заново пережил собствен-

ное детство, наблюдая и документируя своего сына Стефана, провел десятилетие, работая над различными версиями «Берлинского детства» — своего рода автобиографической книгой сказок, — изучал феноменологию младенцев, писал радиопередачи, загадки и рассказы для детей, а также рецензии на детские книги, куклы и игрушки» (Fuchs 2023). Исследования В. Беньямина заставили его рассматривать сказки с точки зрения ядра повествования, сгущая формат. В режиме ретрансляции сказка «схлопывается» до уместного контексту объема, сохраняя характеристики героев, основные сюжетные линии, итоговую мораль. Краткий формат vyšелейских историй характеризуется средним количеством слов в предложении — 8,1 — и наиболее употребительными словами в корпусе: году (21); работала (20); родилась (16); войны (13); сейчас (10). С устранением деталей и обстоятельств возникает жесткая конструкция доминирующего жизненного пути сельских женщин: они родились в сложное для страны время и работали, работали, работали... Сгущение темы труда, заполнившего практически все жизненное пространство, обнаруживает главный императив эпохи, снимавший всяческие гендерные различия.

Возвращаясь к «разыгранной» у Х. Арендт истории, следует остановиться на том, что подпитывает социальную функцию vyšелейских историй: они становятся инструментами выживания, моральными ориентирами, эмоциональными мостами. Нарративный эффект историй вызывает катарсис и обновленное чувство принадлежности, которое возникает благодаря общим историям и гражданскому участию (Shinn 2025). Что способствует развитию эмоционального вовлечения в гражданские истории? Прежде всего, убедительная сила истории зависит от того, насколько участники переживают погружение в повествование (Green, Brock 2000; Gerrig 2023). Когда слушатели глубоко погружены в историю, одновременное отключение реальности снижает вероятность контраргументации (Green, Appel 2024) и способствует взаимодействию с иными точками зрения, не ставя под угрозу их собственную идентичность (Bal, Veltkamp 2013). Тонкие изменения в описательном и эмоциональном языке могут усилить эффект погружения (Hibbin 2016; Van Krieken, Hoeken, Sanders 2017), и такие лингвистические изменения могут быть скорректированы в ответ на аффективное состояние слушателей в реальном времени. Во-вторых, идентификация слушателей/зрителей с персонажами истории способствует изменению отношения (Cohen, Klimmt 2021; De Graaf, Hoeken, Sanders, Beentjes 2012). Даже если персонаж придерживается иных политических убеждений, слушатели, которые идентифицируют себя с ним, могут косвенно переживать его борьбу и рост, что усиливает эмпатию и межпоколенное понимание (Polletta, Redman 2020;

Polletta 2015). Слушатели с большей вероятностью идентифицируют себя с персонажами, когда видят общие с ними характеристики (Huang, Fung, Sun 2024). В-третьих, взаимодействие с рассказчиком/автором истории может углубить вовлеченность слушателей в повествование (Nichols, Szapiro, Vasylikiv, Gomez 2022). Таким образом, вовлеченность в переживание истории может быть важной моделируемой задачей и предметом управления.

Так, например, исследователь нарративных практик Дж. Шинн (Shinn 2025), осмысляющий их эффект, упоминает о трех механизмах, метафорируя движущие силы нарратива:

Механизм № 1: история как «инфраструктура для общества и личности». Под этим подразумеваются система убеждений, ресурс для построения идентичности и развертываемые коллективные действия. Нарративная структура отражает то, как сообщества определяют лидерство, развивают доверие к институтам и управляют изменениями. Хорошо рассказанная история создает этос (если использовать терминологию из трактата Аристотеля «Риторика»), она повышает доверие к рассказчику и вызывает отклик у сообщества, от имени которого он говорит и к которому обращается.

Механизм № 2: история как моральная карта. Если история как инфраструктура объединяет и связывает акторов воедино, история как моральная карта показывает, куда идти, и дает обоснования, почему, а истории являются смыслопорождающими картами. Они переводят абстрактные ценности, такие как справедливость, мужество и самопожертвование, в жизненный опыт, помогают ориентироваться в моральных дилеммах и определять, как выглядит «добро» в конкретной истории жизни. Эта моральная функция истории согласуется с аристотелевским понятием логоса, или разума как убеждающей силы. История углубляет убеждающую силу логоса посредством воображаемой эмпатии, а в гражданской деятельности истории могут помочь заинтересованным сторонам преодолевать этические противоречия, например, как сбалансировать конкурирующие потребности или как сохранить достоинство в системах, работающих на пределе возможностей.

Механизм № 3: история как эмоциональный симулятор или тренажер. Если история как инфраструктура связывает нас, а история как моральная карта направляет нас, то история как эмоциональный симулятор учит отыгрывать чувства, страхи и надежды, которые формируют взаимодействие с миром. В этом смысле истории содержат возможность пафоса как убедительной силы эмоционального резонанса.

Таким образом, описанная Дж. Шинном инструментализация нарративов воспроизводит аристотелевскую связку логоса, этоса и пафоса:

обосновывает действия в конкретной социальной ситуации, переводит абстрактные ценности в морально осмысленный опыт и, наконец, затрагивает глубокие образы, воображение и перспективу, пробуждая эмпатию и чувство связи со значимыми другими.

Итак, чем нам полезна концепция краткого гражданского сторителлинга, примененная в контексте vyšелейских кратких женских историй жизни? Благодаря этой концептуальной оптике мы обнаруживаем акцент на том, что подобные лаконичные повествования выполняют свою функцию с определенной степенью автономии от рассказчиц, а также на том, что эффект этих историй носит гражданский характер, поскольку они сформированы внутри сообществ и несут общие выстраданные ценности. То, как и в каком общем сценарии сельского краеведческого праздника они предъявлены и какой обобщающий их дизайн изобретен, продлевает жизнь этим историям и знакомит с ними представителей иных поколений, что позволяет привлечь идеи Б. Латура об опосредованном социальном взаимодействии (Латур 2014).

Социальную жизнь Вышелея можно рассматривать через оптику праздника как процесс объединения жителей, формирования чувства принадлежности и производства локальной идентичности, несмотря на тяготы пережитого прошлого, включающего войну и тяжелый труд. Механизмы сплочения, в том числе нарративы, выполняют социальную работу по сшиванию группы и удержанию ее вместе и на месте, а также, возможно, обеспечивают ремонт и наладку сбоящих смыслов. Люди узнают себя как членов группы, когда могут рассказать истории о происхождении своей группы, о том, что она пережила, и о своих личных достижениях, ею оцененных и поддержанных. Краткие рассказы создаются путем передачи друг другу ощущения общей повседневности их жизни, тех же основных событий, похожих императивов действия и моральных оценок. Но когда истории звучат, они производят сближающий эффект узнавания, такая реакция и есть принадлежность к группе.

В завершение раздела приведем еще одно, литературное, обоснование использования термина «эпифания», богословского по происхождению и фигурирующего в литературной практике, начиная с Д'Аннунцио и Дж. Джойса. В 1901–1904 годах Дж. Джойс создавал краткие тексты, известные как «Эпифании» (Eiphanies) (Джойс 2011), некоторые из них он позднее включил в опубликованные произведения. Эпифании в записных книжках Джойса — это не внезапные озарения о повседневной жизни, в которых открывается суть вещей, а скорее моменты полного внимания к тому, что есть, что рассматривается как достаточное само по себе. У. Эко описывает переживание эпифании следующим образом:

«...художник строит свое эпифаническое видение, отбирая из объективного контекста событий пережитые им атомарные факты, которые он соединяет в новых отношениях благодаря вполне произвольному поэтическому катализу» (Эко 2015: 147). Для этого важна *ритмическая организация* текста. Так, Джойс пишет: «Ритм представляется мне первой, или формальной, связью различных частей в целом, или связью целого с его частью или частями, или связью части с целым, в которое эта часть входит составной частью. Части составляют единое целое, коль скоро они подчинены единой цели» (Жоусе 1959: 145). Наша эмпирическая иллюстрация — совокупность 18 историй, образующих целостный объект с общей судьбой экспонирования. Растягиваемая гармошка имеет физический и текстуально близкий ритм организации биографического материала. Эпифания привносит в него ясность фокуса на повседневность как на нечто, заслуживающее такого пристального внимания.

Заключение и дискуссия: время собрать разрозненное

Авторы предприняли, словами Умберто Эко, повествовательную прогулку с пересборкой концептуальных подходов к не совсем каноническому этнографическому исследованию, которое балансирует между случайностью вовлечения в наблюдаемый перформанс и фронетической предрасположенностью к неотчуждаемой рефлексии, между раздельностью аналитических этапов и совместностью реализуемого замысла, между общим интересом и ревностью к привлекаемому третьему участнику — ИИ. Нас, и мы уже можем позволить себе объединяющее «мы», увлекли размышления о том, как уместно использовать этнографическую концептуальную рамку, организующую биографические краткие тексты, которые рассматривались, с одной стороны, как источник по социальной истории сельского женского труда в XX веке, а с другой — как локальный перформанс памяти, встроенный в практики краеведения. Кроме того, наш объект оказался интересен и как лаконичный текст с ритмичной структурой, обнаруживаемой в масштабе множественности, и как коллекция для перформанса. Методологически мы построили нашу работу как сочетание пересобранной «случайной этнографии» (фиксация непреднамеренного полевого опыта и его ретроспективное осмысление), «этнографии второго порядка» (работа одного исследователя с материалом, собранным другим) и контролируемого использования нейросетей (ChatGPT) для первичной структуриации корпуса текстов с целью выявления общих дискурсивных узлов и векторов анализа. Рефлексия относительно применения ИИ привела к четкому разграничению делегированных задач: авторы статьи объединены позицией удерживать на своей стороне

интерпретацию структурированного с помощью ИИ эмпирического материала. Если размышлять о той роли, которую мы готовы отвести ИИ в нашем исследовании, то это, безусловно, нечеловеческий помощник, даже частичный соавтор, но все еще не соисследователь.

При этом данный отчасти экспериментальный текст, в котором исследователи и нейросеть вступают в диалог, в действительности представляет собой робкий шаг в новый мир работы с полевыми данными, собранными в соответствии с планом или ставшими опытом случайной этнографии и облеченными в форму академического текста, задающего жанровые границы, которые тоже находятся в подвижном состоянии.

Литература / References

Абрамов Р.Н. (2015) Обыденное и научное знание в исследованиях профессий и профессионализма: историко-теоретический анализ. В: Девятко И.Ф., Абрамов Р.Н., Катерный И.В. (ред.) *Обыденное и научное знание об обществе: взаимовлияния и реконфигурации*. М.: Прогресс-Традиция: 246–309.

Abramov R.N. (2015) Everyday and Scientific Knowledge in the Study of Professions and Professionalism: A Historical and Theoretical Analysis. In: Devyatko I.F., Abramov R.N., Katernyy I.V. (eds.) *Everyday and Scientific Knowledge about Society: Interactions and Reconfigurations*. Moscow: Progress-Traditsiya: 246–309 (in Russian).

Абрамов Р.Н. (2022) На подхвате у алгоритма, или истории поденщика платформенного капитализма. *ИНТЕРакция. ИНТЕРвью. ИНТЕРпретация*. 14(3): 35–54.

Abramov R.N. (2022) At the Algorithm's Beck and Call, or Stories of a Day Laborer of Platform Capitalism. *INTERaktsiya. INTERv'yu. INTERpretatsiya* [INTERaction. INTERview. INTERpretation], 14(3): 35–54 (in Russian).

Абрамов Ф. (1970) Деревянные кони. *Новый мир*. 2: 73–90.

Abramov F. (1970) Wooden Horses. *Novyy mir* [New World], 2: 73–90 (in Russian).

Арендт Х. (2000) *Vita activa, или О деятельной жизни*. Пер. с нем. и англ. В.В. Библихина; ред. Д.М. Носов. СПб.: Алетейя.

Arendt H. (2000) *The Human Condition*. Trans. from German and English by V.V. Bibikhin; ed. D.M. Nosov. St. Petersburg: Aleteyya (in Russian).

Аристотель (1978) Топика. Пер. с др. греч. М.И. Иткина. Аристотель. *Сочинения*: в 4 т. М.: Мысль. Т. 2.

Aristotle (1978) Topics. Trans. from Ancient Greek by M.I. Itkin. In: Aristotle. *Works*: in 4 vols. Moscow: Mysl. Vol. 2. (in Russian).

Джойс Дж. (2011) *Собрание ранней прозы*. Пер. с англ. С.С. Хоружего. М.: Эксмо.

Joyce J. (2011) *Collected Early Prose*. Trans. from English by S.S. Khoruzhy. Moscow: Eksmo (in Russian).

- Дюби Ж. (1994) *Европа в Средние века*. Смоленск: Полиграмма.
- Duby G. (1994) *Europe in the Middle Ages*. Smolensk: Poligramma (in Russian).
- Желтоухова Д.В. (2022) «Музейный бум» 1960-х годов в краеведческих музеях Среднего Поволжья. *Исторический формат*. 2(30): 87–90.
- Zheltoukhova D.V. (2022) The “Museum Boom” of the 1960s in Local History Museums of the Middle Volga Region. *Istoricheskiy format* [Historical Format], 2(30): 87–90 (in Russian).
- Желтоухова Д.В. (2024) Мотивация в музейном деле Среднего Поволжья 1945–1991 годов. *Исторический формат*. 1(37): 93–99.
- Zheltoukhova D.V. (2024) Motivation in Museum Work in the Middle Volga Region, 1945–1991. *Istoricheskiy format* [Historical Format], 1(37): 93–99 (in Russian).
- Кабаков И. (2005a) Плакат и стенд. Импровизация. Деготь Е., Захаров В. (сост.) *Московский концептуализм*. WAM. 15–16: 349.
- Kabakov I. (2005a) Poster and Stand. Improvisation. In: Degot E., Zakharov V. (eds.) *Moscow Conceptualism*. WAM, 15–16: 349 (in Russian).
- Кабаков И. (2005b) Вся суть в перелистывании. Деготь Е., Захаров В. (сост.) *Московский концептуализм*. WAM. 15–16: 357.
- Kabakov I. (2005b) The Whole Point Is in Turning the Pages. In: Degot E., Zakharov V. (eds.) *Moscow Conceptualism*. WAM, 15–16: 357 (in Russian).
- Климов И. (2008) Размышления о полевом шоке. *Социальная реальность*. 3: 87–99.
- Klimov I. (2008) Reflections on Field Shock. *Sotsial'naya real'nost'* [Social Reality], 3: 87–99 (in Russian).
- Козлова Н. (2005) *Советские люди. Сцены из истории*. М.: Европа.
- Kozlova N. (2005) *Soviet People: Scenes from History*. Moscow: Evropa (in Russian).
- Лазебникова И.В. (2009) Концептуальные альбомы 1970-х годов: Илья Кабаков и Виктор Пивоваров. *Вестник Челябинского государственного университета*. 22: 170–177.
- Lazebnikova I.V. (2009) Conceptual Albums of the 1970s: Ilya Kabakov and Viktor Pivovarov. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Chelyabinsk State University], 22: 170–177 (in Russian).
- Латур Б. (2014) *Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию*. Пер. с англ. И. Полонской; под ред. С. Гавриленко. М.: Изд. дом Высшей школы экономики.
- Latour B. (2014) *Reassembling the Social: An Introduction to Actor-Network-Theory*. Trans. from English by I. Polonskaya; ed. by S. Gavrilenko. Moscow: Izd. dom Vysshey shkoly ekonomiki. (in Russian).
- Мясников Г.В. (1986) *Отчизна в сердце нашем: Из опыта идейно-воспитательной работы Пензенской областной партийной организации*. М.: Плакат.

Myasnikov G.V. (1986) *The Fatherland in Our Hearts: From the Experience of Ideological and Educational Work of the Penza Regional Party Organization*. Moscow: Plakat (in Russian).

Мясников Г.В. (2008) *Страницы из дневника*. М.: Институт национальных проблем образования.

Myasnikov G.V. (2008) *Pages from a Diary*. Moscow: Institute of National Problems of Education (in Russian).

Никулин А.М. (1999) Рец. на: Scott J.C. *Seeing Like a State: How Certain Schemes to Improve the Human Condition Have Failed*. New Haven: Yale University Press, 1998. *Социологический журнал*. 3–4: 228–231.

Nikulin A.M. (1999) Review of: Scott J.C. *Seeing Like a State: How Certain Schemes to Improve the Human Condition Have Failed*. New Haven: Yale University Press, 1998. *Sotsiologicheskii zhurnal* [Sociological Journal], 3–4: 228–231 (in Russian).

Никулин А.М. (2010) Олигархоз как преемник постколхоза. *Экономическая социология*. 11(1): 17–34.

Nikulin A.M. (2010) Oligarchkhos as the Successor of the Post-Collective Farm. *Ekonomicheskaya sotsiologiya* [Journal of Economic Sociology], 11(1): 17–34 (in Russian).

Разуvalова А. (2015) *Писатели-«деревенщики»: Литература и консервативная идеология 1970-х годов*. М.: Новое литературное обозрение.

Razuvalova A. (2015) *Village Prose Writers: Literature and Conservative Ideology of the 1970s*. Moscow: New Literary Observer (in Russian).

Распутин В. (1976) Прощание с Матерой. Распутин В. *Повести*. М.: Молодая гвардия: 13–196.

Rasputin V. (1976) Farewell to Matyora. In: Rasputin V. *Novellas*. Moscow: Molodaya gvardiya: 13–196 (in Russian).

Сорокин П. (1921) Влияние профессии на поведение людей и рефлексология профессиональных групп. *Вопросы изучения и воспитания личности*. 3: 353–500.

Sorokin P. (1921) The Influence of Profession on Human Behavior and the Reflexology of Professional Groups. *Voprosy izucheniya i vospitaniya lichnosti* [Problems of Personality Study and Education], 3: 353–500 (in Russian).

Степанов Б., Максимова А., Хлевнюк Д. (2021) Краеведение. Завадский А., Дубина В. (ред.) *Все в прошлом: Теория и практика публичной истории*. М.: Новое издательство: 55–68.

Stepanov B., Maksimova A., Khlevnyuk D. (2021) Local History. In: Zavadskiy A., Dubina V. (eds.) *All in the Past: Theory and Practice of Public History*. Moscow: Novoe izdatel'stvo: 55–68 (in Russian).

Шацкий Е. (1990) *Утопия и традиция*. М.: Прогресс.

Shatskiy E. (1990) *Utopia and Tradition*. Moscow: Progress (in Russian).

Шмидт С.О. (2004) Краеведение — это всегда краелюбие. *История*. 22(742).

Shmidt S.O. (2004) Local History Is Always Love for One's Native Land. *Istoriya [History]*, 22(742) (in Russian).

Эко У. (1998) *Отсутствующая структура. Введение в семиологию*. СПб.: Петрополис.

Eco U. (1998) *The Absent Structure: Introduction to Semiotics*. St. Petersburg: Petropolis (in Russian).

Эко У. (2015) *Поэтики Джойса*. Пер. с ит. А. Коваля. М.: Corpus.

Eco U. (2015) *The Poetics of Joyce*. Trans. from Italian by A. Koval. Moscow: Corpus (in Russian).

Abbott A. (2007) Against Narrative: A Preface to Lyrical Sociology. *Sociological Theory*, 25(1): 67–99. <https://doi.org/10.1111/j.1467-9558.2007.00298.x>

Avnoon N., Oliver A.L. (2023) Nothing New under the Sun: Medical Professional Maintenance in the Face of Artificial Intelligence's Disruption. *Big Data & Society*. <https://doi.org/10.1177/20539517231210269>

Bal P.M., Veltkamp M. (2013) How Does Fiction Reading Influence Empathy? An Experimental Investigation on the Role of Emotional Transportation. *PLoS ONE*, 8(1): e55341. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0055341>

Christou P.A. (2023) How to Use Artificial Intelligence (AI) as a Resource, Methodological and Analysis Tool in Qualitative Research? *The Qualitative Report*, 28(7): 1968–1980. <https://doi.org/10.46743/2160-3715/2023.6406>

Cohen J., Klimmt C. (2021) Stepping In and Out of Media Characters: Identification and Dynamic Shifts in Users' Positioning toward Entertainment Messages. In: Vorderer P., Klimmt C. (eds.) *The Oxford Handbook of Entertainment Theory*. Oxford: Oxford University Press: 266–284. <https://doi.org/10.1093/oxfordhdb/9780190072216.013.15>

De Graaf A., Hoeken H., Sanders J., Beentjes J.W.J. (2012) Identification as a Mechanism of Narrative Persuasion. *Communication Research*, 39(6): 802–823. <https://doi.org/10.1177/0093650211408594>

De Paoli S. (2024) Performing an Inductive Thematic Analysis of Semi-Structured Interviews with a Large Language Model: An Exploration and Provocation on the Limits of the Approach. *Social Science Computer Review*, 42(4): 997–1019. <https://doi.org/10.1177/08944393231220483>

Elliott D. (2025) A Forgetful Ethnography: Memory, Memoir, and Brain Injuries. *American Anthropologist*, 127(1): 168–175. <https://doi.org/10.1111/aman.28048>

Freeman M. (2016) *Modes of Thinking for Qualitative Data Analysis*. New York: Routledge.

Fuchs F. (2023) *Civic Storytelling: The Rise of Short Forms and the Agency of Literature*. Princeton, NJ: Princeton University Press.

Fujii L.A. (2015) Five Stories of Accidental Ethnography: Turning Unplanned Moments in the Field into Data. *Qualitative Research*, 15(4): 525–539. <https://doi.org/10.1177/1468794114548945>

Gerrig R.J. (2023) Processes and Products of Readers' Journeys to Narrative Worlds. *Discourse Processes*, 60(4–5): 226–243. <https://doi.org/10.1080/0163853X.2023.2177457>

Goodwin C. (1994) Professional Vision. *American Anthropologist*, 96(3): 606–633. <https://doi.org/10.1525/aa.1994.96.3.02a00100>

Green M.C., Appel M. (2024) Narrative Transportation: How Stories Shape How We See Ourselves and the World. *Advances in Experimental Social Psychology*, 70: 1–82. <https://doi.org/10.1016/bs.aesp.2024.03.002>

Green M., Brock T. (2000) The Role of Transportation in the Persuasiveness of Public Narratives. *Journal of Personality and Social Psychology*, 79: 701–721. <https://doi.org/10.1037/0022-3514.79.5.701>

Hibbin R. (2016) The Psychosocial Benefits of Oral Storytelling in School: Developing Identity and Empathy through Narrative. *Pastoral Care in Education*, 34(4): 218–231. <https://doi.org/10.1080/02643944.2016.1225315>

Hitch D. (2024) Artificial Intelligence Augmented Qualitative Analysis: The Way of the Future? *Qualitative Health Research*, 34(7): 595–606. <https://doi.org/10.1177/10497323231217392>

Huang K.Y., Fung H.H., Sun P. (2024) The Effect of Audience–Character Similarity on Identification with Narrative Characters: A Meta-Analysis. *Current Psychology*, 43(8): 7026–7043. <https://doi.org/10.1007/s12144-023-04842-4>

Joyce J. (1959) *Critical Writings of James Joyce*. Mason E., Ellmann R. (eds.) London: Faber and Faber.

Koning J., Ooi C.S. (2013) Awkward Encounters and Ethnography. *Qualitative Research in Organizations and Management*, 8(1): 16–32. <https://doi.org/10.1108/17465641311327496>

Kotkin S. (1995) *Magnetic Mountain: Stalinism as a Civilization*. Berkeley: University of California Press.

Levitan J., Carr-Chellman D., Carr-Chellman A. (2020) Accidental Ethnography: A Method for Practitioner-Based Education Research. *Action Research*, 18(3): 336–352. <https://doi.org/10.1177/1476750317709078>

Lynch G. (2025) Driving Together: Shared Car Journeys as Research Space. *Qualitative Research*, 25(2): 436–455. <https://doi.org/10.1177/14687941241255251>

Mollick E. (2024) *Co-Intelligence: Living and Working with AI*. New York: Portfolio.

Nichols E., Szapiro D., Vasylyk Y., Gomez R. (2022) “I Can’t Believe That Happened!”: Exploring Expressivity in Collaborative Storytelling with the Tabletop Robot Haru. In: *2022 31st IEEE International Conference on Robot and Human Interactive Communication (RO-MAN)*: 59–66.

Paulus T.M., Lester J.N. (2024) Digital Qualitative Research Workflows: A Reflexivity Framework for Technological Consequences. *International Journal of Social Research Methodology*, 27(6): 621–634. <https://doi.org/10.1080/13645579.2023.2237359>.

Paulus T., Lester J.N., Davis C. (2026) The Construction of the Role of AI in Qualitative Data Analysis in the Social Sciences. *AI & Society*, 41: 1737–1748. <https://doi.org/10.1007/s00146-025-02488-3>

Polletta F. (2015) Characters in Political Storytelling. *Storytelling, Self, Society*, 11(1): 34–55. <https://doi.org/10.13110/storselfsoci.11.1.0034>

Polletta F., Redman N. (2020) When Do Stories Change Our Minds? Narrative Persuasion about Social Problems. *Sociology Compass*, 14(4): e12778. <https://doi.org/10.1111/soc4.12778>

Poulos C.N. (2009) *Accidental Ethnography: An Inquiry into Family Secrecy*. New York: Routledge.

Scott J.C. (1998) *Seeing Like a State: How Certain Schemes to Improve the Human Condition Have Failed*. New Haven: Yale University Press.

Shanin T. (1972) *The Awkward Class: Political Sociology of Peasantry in a Developing Society, Russia 1910–1925*. Oxford: Oxford University Press.

Shinn J. (2025) Story as Strategy: Reframing Civic Engagement through the Narratives We Live. *National Civic Review*, 114(2): 28–34.

Sløk-Andersen B., Persson A. (2021) Awkward Ethnography: An Untapped Resource in Organizational Studies. *Journal of Organizational Ethnography*, 10(1): 65–78. <https://doi.org/10.1108/JOE-09-2020-0036>

Ssorin-Chaikov N. (2003) *The Social Life of the State in Sub-Arctic Siberia*. Stanford: Stanford University Press.

Suryawan T.G.A.W.K., Khoo C. (2025) A Pragmatic Approach to Understanding Sustainability Strategies of Small, Private Museums: Accidental Ethnography through Critical Realism. *Journal of Sustainable Tourism*: 1–28. <https://doi.org/10.1080/09669582.2025.2562433>

Tracy S.J. (2010) Qualitative Quality: Eight “Big-Tent” Criteria for Excellent Qualitative Research. *Qualitative Inquiry*, 16(10): 837–851. <https://doi.org/10.1177/1077800410383121>

Van Krieken K., Hoeken H., Sanders J. (2017) Evoking and Measuring Identification with Narrative Characters: A Linguistic Cues Framework. *Frontiers in Psychology*, 8: 1190. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2017.01190>

Van Manen M. (2023) What Does ChatGPT Mean for Qualitative Health Research? *Qualitative Health Research*, 33(13): 1135–1139. <https://doi.org/10.1177/10497323231210816>

Wåsterfors D. (2023) My Face Turned Red, but It Led Me ... Nowhere: Notes on Epistemically Pointless Embarrassment in Ethnographic Practice. *Qualitative Research*, 23(4): 1078–1092. <https://doi.org/10.1177/14687941211072800>

VYSHELEY EPIPHANIES: CONCEPTUAL REASSEMBLY OF ACCIDENTAL ETHNOGRAPHY¹

Roman N. Abramov^{1,2} (rabramov@hse.ru),
Elena Yu. Rozhdestvenskaya^{1,2} (erozhdestvenskaya@hse.ru)

¹HSE University, Moscow, Russia

²Institute of Sociology of FCTAS RAS, Moscow, Russia.

Citation: Abramov R., Rozhdestvenskaya E. (2026) Vyshley Epiphanies: Conceptual Reassembly of Accidental Ethnography. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology], 29(3): 244–274 (in Russian).
<https://doi.org/10.31119/jssa.2026.29.3.9> EDN: FSTRQO

Abstract. The article presents an experimental study at the intersection of social anthropology and qualitative sociology. The empirical basis is a corpus of 18 short biographical sketches of collective farm peasant women from the village of Vyshley, Penza Region, created at the end of the Soviet period by school local historians and discovered by one of the authors during a local Mordovian culture festival. The authors develop the approaches of “accidental ethnography” and “second-order ethnography”, considering ego-texts as a source for the social history of women’s labour in the 20th century and as a local performance of memory. The methodology combines retrospective reflection on unintentional field experience, work with material collected by another researcher, and controlled use of neural networks (ChatGPT) for primary structuring of the corpus. The theoretical foundation of the article is F. Fuchs’ concept of short civic storytelling and the notion of epiphany. The analysis shows that despite the formal lapidarity of the narratives (peasant origin, lack of education, total labour during the war, help to the front), they form a stable emotional regime of patience, duty and silent heroism. The collection itself acts as a narrative agent constructing local identity. In the conclusion, the authors reflect on the epistemological and ethical boundaries of using AI in qualitative research, discussing the potential and risks for “live” fieldwork. The polyphony of voices (ethnographers, neural network, school authors and heroines) problematizes genre and authorial modes of writing in contemporary social anthropology.

Keywords: accidental ethnography, epiphanies, neural networks, peasantry, social history, local history, ego-documents.

¹The article was prepared as part of the Basic Research Program at HSE University.